

Одиночество

(Из альбома)

Оригинал здесь: [Книжная полка Лукьяна Поворотова](#).

I

Солнце спускалось над городом, золотя верхушки акаций, бросая последние огненные стрелы на изнемогающих прохожих, заставляя гореть заревом оконные стекла.

В одном из домов Е-ской улицы, у раскрытого настежь окна, в прекрасно убранной комнате, служившей своему хозяину и спальней, и гостиной, и кабинетом, сидел массивный краснощекий блондин с добрыми голубыми глазами, слегка косившими из-под золотых очков. Он допивал третий или четвертый стакан чаю в серебряном подстаканнике, с плававшими в нем тоненькими кружочками лимона. То и дело вынимал он белоснежный футляр и вытирал влажный лоб, лоснившийся крупный подбородок и щеки.

Время стояло тревожное - приближалась эпидемия, и Василий Петрович с большим интересом, глубоко затаенным в себе от знакомых, но изредка прорывавшимся малодушным страхом, следил за ее грозным ходом. Она уже опустошила несчастный Баку и ползла вверх по Волге, как безобразное стоглавое чудовище, захватывая в свои челюсти некоторые местности Кавказа и уже вторгаясь в область войска Донского.

II

Василий Петрович боялся болезни, как чистоплотный изящный эстетик, как поклонник здоровья и красоты; боялся смерти, как жизнерадостный сангвиник, в котором, впрочем, в иные минуты сказывался и холерик, развивавшийся в нем понемногу в течение десяти лет его педагогической деятельности, усеянной крупными и больно терзавшими его выхоленное тело терниями.

Мнительность Василия Петровича доходила до того, что он даже грустил при пустой горловой боли, происходившей, может быть, от ссадины после утомительного урока греческого языка или бурного заседания педагогического совета.

Каждый раз давал себе слово Василий Петрович молчать, не выходить из роли спокойного созерцателя совершающихся событий, мелких происков, ревнивого соперничества, неусыпного взаимного контроля и всяческой игры раздраженных самолюбий, - и не выдерживал, вступая то в единоборство с инспектором, язвительным меланхоликом, то с холодным, положительным О., так увлекательно прочитавшим публичную лекцию о романтизме, то с педантом и формалистом Z., с которым Василий Петрович мирился только тогда, когда тот в маленьком кружке знакомых читал с необыкновенным чувством стихотворения в прозе. "Как хороши, как свежи были розы!" - читал Z., и голос его дрожал и замирал, и сладкая нежащая грусть сообщалась очарованным слушателям. Чувствовалось, что в эти минуты он действительно поднимался на высоту этой возвышенной задумчивой скорби стареющего художника, скорби, возбуждающей в нас сочувственный благоговейный трепет... Но увы! На советах и на экзаменах у Василия Петровича не розы, а шипы преподносил он своему товарищу. Если б он превратился в змея, и подполз бы, и ужалил беззащитного Василия Петровича, то последний был бы не более поражен и уязвлен этой метаморфозой, чем той переменной, какую он замечал в нем, хотя тот и сохранял свой человеческий образ. Жалея Василия Петровича, он разглаживал свою прекрасную шелковистую бороду и говорил тихим, вкрадчивым баритоном...

Или же, что было еще хуже, Василий Петрович вступал в бой со старыми членами совета, казавшимися ему рутинерами. Они держались тесной группой в верхнем конце стола, и от них исходила самая едкая, убийственная критика, самая поверхностно незаслуженная оценка всех деяний Василия Петровича и его единомышленника и пособника, лукавого, остроумного малоросса Вельченка. Василий Петрович называл их палатой лордов, а себя со своей группой - палатой общин. Действительно, для чиновника Василий Петрович Горяинов отличался характером независимым, слишком независимым, и странно, что он не скитался по округу, причем с его полнотой он мог бы это проделывать с легкостью эластичного мяча или шара, катящегося по навощенному паркету или по песку дорожки, - не